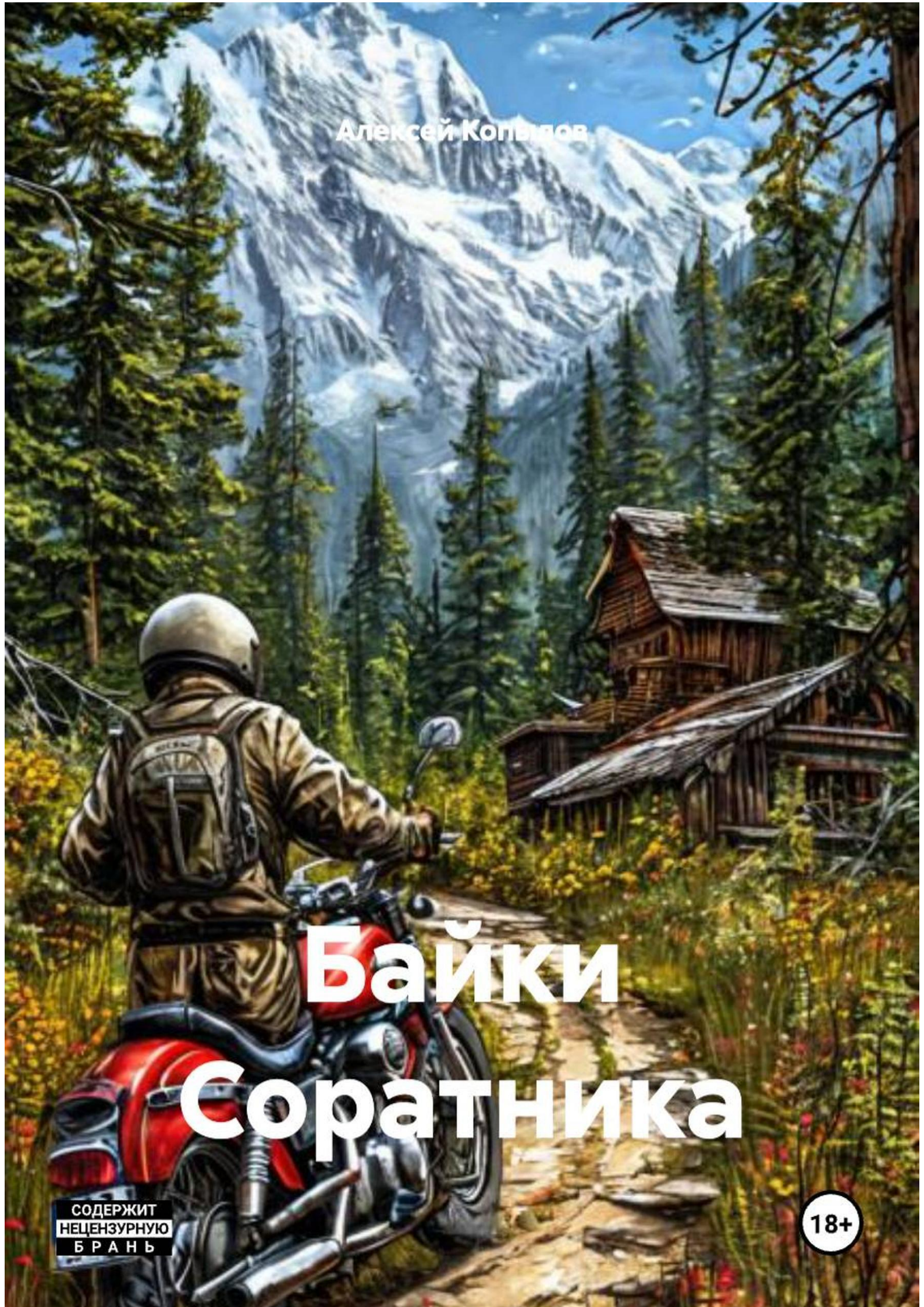

A detailed illustration of a motorcyclist in a forest. The motorcyclist, wearing a tan jacket, tan pants, and a tan helmet, is seen from behind, riding a red and black motorcycle. They are on a dirt path that leads towards a large, rustic wooden cabin with a steep, shingled roof. The cabin is nestled among tall evergreen trees. In the background, a massive, snow-capped mountain range rises against a clear blue sky. The scene is bathed in warm, golden light, suggesting late afternoon or early morning. The overall style is that of a classic comic book illustration.

Алексей Копылов

Байки Соратника

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Копылов

Байки Соратника

«Автор»

2025

Копылов А. Е.

Байки Соратника / А. Е. Копылов — «Автор», 2025

Сборник "Байки Соратника" состоит из трех коротких повестей и коротеньких рассказов из жизни автора, написанных в жанре баек. В этих произведениях художественный вымысел тесно переплетен с реальными событиями. Смешными и трагичными. Эта книга очень легко читается и не содержит философии и нравоучений. Повести сами по себе заставляют читателя вспомнить свой опыт, свою жизнь, свои ошибки. А байки помогут просто расслабиться и посмеяться. Приятного чтения!

© Копылов А. Е., 2025

© Автор, 2025

Алексей Копылов

Байки Соратника

МОЛОДОЙ ОТЕЦ

Валера с наслаждением открыл банку "Гессена". Пиво радостно зашипело, объявляя о старте пятничного вечера. Валере грело душу, что до понедельника нет никаких дел и забот, только двадцать банок пива в холодильнике, пять свежайших вобл умеренного посола и интернет. Он мечтал о таких выходных уже месяц, и вот наконец-то.

На прошлых выходных пожилой матери приспичило купить "шкаф, о котором она давно мечтала". Шкаф, найденный матерью на Авито, находился далеко в области, и был глубоко б.у.шным. Валера гнал свою новенькую Кио Рио за сто двадцать километров в поселок на границе региона, потом четыре часа его разбирал, затем волочил и упаковывал в машину, охеревавшая от тяжести старого "деревянного гроба". Да, этой мебели было как минимум лет шестьдесят, и она до сих пахла деревом. На хрена этот шкаф матери, Валера не понимал.

– Всё, поехала кукуха у мамани, – Валера понимал, что это старость, но мать он любил и старался не огорчать отказами.

Само собой, в субботу к ночи шкаф был доставлен к маминой хрущёвке, Валера даже заволок его наверх на четвертый этаж без лифта. А затем до двух ночи отмокал в ванной. Всё воскресенье заняла сборка шкафа, вечером Валера вернулся домой и через пятнадцать минут уснул.

А до этого три выходных подряд у него дома торчала Зойка. Валера по-своему ее любил, но утомляла она его через пятнадцать минут после своего появления. Обязательный скучный секс случался только в пятницу вечером, а потом до понедельника Валера слушал про паскуду маникюрушу, про новые правила Вайлдберриз, которые напрочь разорят её и остальных продавцов (Зоя торговала на маркетплейсах каким-то китайским барахлом, Валера не сильно вникал), про грунтовые воды в частном доме, в котором всю жизнь прожила Зоя.

В пять утра в понедельник он вёз её домой в её жилище, которое находилось за городом, а потом ехал на работу. По пятницам Зоя звонила, и если Валера был расположен, то добиралась к нему сама. На перекладных маршрутках. И так уже почти два года. Благо, сегодня днём он позвонил Зойке и, вздыхая, рассказал, что скоро проверка из Москвы, а у него конь не валялся. Будет дома проверять всю документацию за последние полгода.

И вот теперь он наслаждался. Одиночеством, бездельем и возможностью полазить на сайтах знакомств, попить вдоволь пивка и посмотреть какие-нибудь кинишки в интернете. Пиво уже открыто, пакетик под чешую приготовлен, и Валера начал чистить вкуснейшую воблу. Ноутбук стоял рядом, и Валера старался не заляпать его рыбой.

– Влажных салфеток не купил, – подумал Валера. – Сейчас компьютер провоняет рыбой.

Валера было хотел на время отодвинуть ноут, но ему быстро всё стало безразлично. Да по херу, всё равно никто не мозги капать не будет. Семьи у него нет, а Зойка – ещё та свинья, даже посуду никогда не моет. После её визитов мух травить приходится.

Нет, какое-то время назад семья у Валеры была. В двадцать лет он съехал от маменьки в квартиру недавно преставившегося деда. Немного почистил жильё и жил в своё удовольствие. Тусовки по несколько дней, какие-то короткие романы, новые сборища. Ему это всё очень нравилось. Закончил институт, устроился на работу, а в выходные – гуляй, рванина. Валера никогда не был красавцем, ростом был средним, но женский пол привлекал своей лёгкостью

в общении, сочувствием к дурацким женским неприятностям и выносливостью в сексуальных утехах. Потому женщин через его холостяцкую берлогу прошло довольно много, но особо он их не запоминал. Быстро вытирал из жизни как пыль и ждал, когда ветром надует новую.

В тридцать пять он вдруг влюбился. Однажды зимним вечером, когда необычным образом ударили такие морозы, что нос на улице за минуту становился твердым и холодным, как у памятника Грибоедову на городской площади, Валера ехал от матушки на своей многолетней подруге – бежевой "девятке". У ресторана со звучным названием "Бизон" активно жестикулировала миниатюрная девушка в тоненькой дублёнке. Валера любил необременительно помогать людям и притормозил рядом со скачущей девицей.

Мадмуазель резко открыла дверь, плюхнулась на пассажирское сиденье и нетрезвым милым голоском пропищала:

– Сударь, отвезите меня, пожалуйста, туда, где тепло и есть плед.

Валера знал одно такое место – его однушка, он вздохнул и повёз случайную попутчицу именно туда. Ванна, плед, жаркая благодарность спасённой от морозного дракона принцессы, и... И уже через два месяца он стал мужем Любы. Точнее, Любове Сергеевны, как обычно представлялась новым знакомым его молодая жена.

Валера в Любаше не чаял души. Он переехал в ее двушку в центре, а в его квартирке начался семейный бизнес. Валера сделал косметический ремонт, а Любовь Сергеевна сдавала ее посуточно приезжающим в город деревенским торговцам, юным парочкам и солидным господам, желающим коротко отдохнуть от бизнеса и семейной рутины.

Люба явилась в его жизнь не одна. С ней появилась Вера, милое рыжеватое создание двух лет. Валере совсем не улыбалось вдруг сделаться отчимом чужого ребенка. Люба никогда не рассказывала о родном отце Веры, и его никогда не было в их жизни. За несколько недель Валера вдруг неожиданно прикипел к девочке, а Вера почти сразу начала называть его папочкой.

– Я ее отец! – так решил Валера, и всегда и всем представлял её дочерью. Контакт с дочкой у него был куда ближе, чем у матери. Тем более, Люба постоянно пропадала на работе – в городской художественной галерее, где она трудилась администратором. В ее задачи входила и коммерциализация музея, потому Люба постоянно искала пути финансирования галереи, устраивала различные выставки всяких абстракционистов. В общем, и у музея, и у Любиной семьи была довольно сытная жизнь.

Три года в их семье царила идиллия, а потом Люба как-то отстранилась. Довольно резко и сразу, что обидело Валеру. Но поразмыслив, он понял, что так и должно быть. Ему под сорок лет, Любаше – тридцать один. Ну какие в нашем возрасте страсти-мордасти. Совместный быт, дочь, ежемесячный секс для разрядки – у большинства и этого нет.

Коммерческая деятельность Любы развивалась, семья жила своей неторопливой жизнью, но в какой-то момент жена оказалась совсем далеко. Дома она бывала набегами, с Валерой не разговаривала вообще. У него zakралось подозрение, что Любана загуляла, но он гнал от себя эти мысли. Работа, дочь заполняли всю его жизнь. В одно не очень прекрасное утро жена попросила собрать вещи. Она – человек творческий, полюбила молодого художника и теперь планирует с ним прекрасную совместную жизнь влюбленных людей искусства.

Валера не спорил. В глубине души он ощущал, что рано или поздно произойдет что-то подобное. Он только спросил, позволено ли ему будет общаться с Верой.

– Нет, – отрезала Любовь Сергеевна. – Ты ей никто.

Так и было, Валера никогда не обращал внимание на то, что дочь носит отчество Николаевна и Любину фамилию. Формальность. А так как девочку он не удочерял, то и развели их моментально. Но Вера тоже любила бывшего отчима, продолжала называть папой, и при случае звонила или писала. Скучала. Девочке было уже одиннадцать, и она украдкой встречалась с Валерой, зная, что матери это не понравится.

Два года назад, когда началась СВО, Люба с художником осознали, что в этом Мордоре никогда не будет настоящего искусства, и выехали вместе с Верой в какую-то другую страну. Вера говорила, что то ли в Грузию, то ли в Турцию, Валера не запомнил. Сам факт, что он вряд ли когда-нибудь увидит дочь, его оглушил. Так и случилось, с момента отъезда Вера не позвонила и не написала ни разу. И от этого у Валеры периодически щемило сердце.

На работе он рассказывал об этом спокойно. Никогда ничего не скрывал, но и не ныл. Делился как-то обыденно, без вырывания на заднице волос, как делают иные мужики. И поэтому его жалели ещё пуще. А секретарь исполнительного директора Варвара и оператор станков с ЧПУ Лидочка даже приласкали по-женски. Валера хоть и меньше, чем в молодости, но все же был привлекателен для женского пола. Сухощавый, не совсем ещё лысый, всегда гладко выбрит и улыбчив. Отчего бы не пожалеть такого милого человека.

Развития эти ласки не получили, ибо жалостливые девушки были глубоко замужем, да и сам Валера к чему-то серьезному готов точно не был.

А потом появилась Зоя. И вот сейчас, когда рыба почти очищена, Валера услышал вызов на телефоне.

– Блин, хотел же отключить, – Валера выругался, вытер об колено жирные, испачканные в воблячем соку руки, сдвинул зелёный бегунок на экране, на котором было написано "Зойка":

– Да. – Валера вложил в интонацию всё недовольство, на которое был способен.

– Валерик, лапа, как ты там? – Зойка защebetала очень быстро, и ответ, как там Валерик, её не сильно интересовал.

– Я соскучилась, Валерик, давай я всё-таки приеду? Я помню, что ты хотел поработать, но мешать я не буду, просто побуду рядом.

"Бля", – подумал Валера. "Скоро полтос, а я всё ещё "Валерик". Ему от этой мысли было не то что грустно, но как-то странно. Будто он что-то упустил в жизни.

А ведь действительно, он был "Валерик". Бывшая жена, все его многочисленные девицы с юных лет называли его только так. На работе он тоже был "Валерик", хотя работал на этом металлургическом комбинате тьму тысяч лет, а два года назад выбился в начальники. Валеру назначили замначальника ОТК. Рост зарплаты, ответственность. Не сильно он этого хотел, но руководству виднее. Сказали, что своим стажем работы на комбинате он заслужил эту должность.

Да, скорее всего его назначили не за какие-то заслуги, а по выслуге лет. Валера, учась в институте, работал курьером и охранником, а получив "корочку", пришел на комбинат. И не уходил отсюда никогда. Наверное, только начальник архива Зинаида Аристарховна работала на комбинате дольше него.

Валера терпел все. Месяцы без зарплаты, захваты завода новыми собственниками в девяностые и нулевые. Крики и пинки постоянно меняющегося начальства. У него и мысли не было уйти искать лучшую долю. Много лет работал простым рабочим, даром, что с высшим образованием. Потом оператором станков с ЧПУ, потом старшим смены. Ничего никогда выдающегося он делал. Работником Валера был... Регламентным. Делал всё, что положено с восьми

до пяти, а потом перемещался в свою однушку. Ну за исключением тех лет жизни с Любовью Сергеевной, когда он перемещался в двушку в центре.

Никаких инициатив Валера не проявлял, работал без халтуры, но и без огонька, и был приятным в общении парнем. Отродясь ни с кем не конфликтовал. Если было не сильно напряжно, мог сделать по чьей-то просьбе что-то сверх положенного. Ну и в конце концов именно такой человек понадобился, чтобы замещать начальника ОТК.

У Валеры появился кабинет, пусть и без секретарши. И к нему ходили все излить душу или просто потрепаться. Он всех слушал и поддерживал любой разговор:

– Валерик, я вчера на рыбалке сазана поймал на семь кило!

– Валерик, мой третий день пьет. Ну что с ним будешь делать?

– Валерик, ты вчера "Спартак" смотрел? Зла не хватает!

Даже начальство, если рабочие с ними пререкались, говаривало:

– Вам попесдеть? Ступайте к Валерику, а на рабочем месте делайте то, что вам говорят!

Валера на "Валерика" не злился, а вот сейчас напрягся. Никого он на этих выходных видеть не хотел, тем более Зойку.

– Зой, я разве непонятно сказал? Мне нужна на выходных полная тишина. Абсолютная! Бумаг столько, что я уже с ума схожу.

– Ну ладно, ладно, я думала, ты будешь рад, если я буду где-то рядом мелькать, – обиженно затараторила Зоя. – Раз ты такой занятой, не отвлекаю. В понедельник созвонимся.

Валера выдохнул, наконец-то налил бокал пива и одним глотком влил себя половину содержимого. Оторвал кусочек от спинки рыбы и погрузился в мир интернета. Так, на сайте знакомств новых лиц не видно. Не он чтобы он искал себе пассию или какую-то разовую связь на этих страничках. Он даже не писал там никому, только изредка лайкал понравившиеся фотки. Он просто смотрел и фантазировал.

Вот какая красotka. Двадцать девять. Молодая. А зачем тут ищет мужиков? Небось, замужем, муж опостылел, вот и ищет, где бы погреться разок-другой.

Вот тучная дама. Сорок один. Ну да, где она ещё найдет себе какого-то такого же пузана? Только тут. Наверное, мужика не было лет десять, которые она посвятила пирогам и пицце. Килограм сто двадцать в ней, не меньше.

Скучно.

Валера открыл ВКонтакте, чтобы посмотреть ленту. Подсознательно он мечтал, что там вдруг напишет ему Вера, как тогда, когда мать не увезла ее из страны. И правда, есть какое-то сообщение. Валера открыл его. Писал ему какой-то Григорий Родионов. Сообщение было коротким:

– Здравствуйте, Валерий. Скажите, вы помните Светлану Родионову?

Валера глянул на профиль вопрошающего. Молодой парень, двадцать четыре года. Приятный. Вот он где-то в горах. Вот на лыжах. Больше всего фоток было в обнимку с молодой девчушкой, с которой они обнимались и дурачились. Парень был абсолютно незнакомым, но у Валеры что-то щемануло в груди.

– Добрый вечер. Нет, а должен помнить? – Валера как вежливый человек написал ответ. Светлан он знал за всю жизнь десятки, если не сотни, но сочетание с фамилией Родионова ему ни о чём не говорило.

Уверенный, что парень больше не проявится, Валера допил бокал пива, сходил за новой банкой и с шипением открыл её. Налил пиво в бокал, и глянул на экран ноутбука. Там красовалось новое сообщение:

– Не знаю, она говорила, что должны помнить.

Валера развеселился. Очень круто, что кто-то из прошлого его до сих пор помнит. Он подозревал, что все, с кем он когда-то общался, забывали его дня через два после прекращения контактов. Валера решил продолжить диалог с пареньком.

– А почему она сама не спрашивает? Я бы тогда вспомнил обязательно. Может быть, она мне позвонит, я по голосу куда лучше вспоминаю, чем по фамилиям.

Гриша не отвечал, и Валера начал листать ленту немногочисленных подписок, а потом вовсе переключился на видео-хостинг, рассчитывая поностальгировать под какое-то советское кишинько. Такое у него было настроение. Второй бокал пива был пуст, и вскоре Валера с промежуточным заходом в туалет добрался до холодильника и взял очередную баночку пенного.

Валера добрался до ноутбука и сразу вновь посмотрел мессенджер ВКонтакте. Новая банка не успела зашипеть, ведь там горело новое сообщение. Валера прочитал и ощущение надвигающейся катастрофы прямо нахлобучивало его мозг. Фраза, хоть и была трагичной по содержанию, несла за собой какой-то смерч, который вот-вот снесет его мирок, выстроенный по соломинке, по камушку. Вроде вот ещё солнце, но запах близкого армагеддона уже чувствуется на уровне желудка.

– Мама умерла год назад. Онкология.

Кто эта мама, Валера так и не понимал. Но чувствовал – эта мама, умерев, оставила что-то важное для него. Какое-то послание.

Валера не знал, как надо отреагировать, и написал первое, что пришло в голову:

– Соболезную. А, может, какие-то фотографии есть? Я теперь очень должен вспомнить Светлану. Прямо очень. Наверняка, я вспомню, если увижу.

Реакции не последовало, хотя по задвоенным галочкам Валера понял – Гриша прочитал.

– Блядь, пиво горчит. Или кислит... Не пойму, – вслух высказался Валера, начав пить третью банку. Ее он уже не переливал в бокал, просто прихлебывал из предусмотренной для прихлеба дырки.

– Надо что-то веселенькое найти, – снова вслух думал Валера. – Старое что-то... О, "Полицейская академия". "Голубая устрица", все дела... Сколько смотрю, всегда можно поржать.

Валера включил первую часть, но ему не ржалось и даже не улыбалось. Он периодически лез в мессенджер ВКонтакте, надеясь, что сейчас откроет, и у него горит непрочтенное сообщение. Парни в молодости рассказывали, когда влюблялись, что так ждали смс-ку от своих неприступных потенциальных невест. Убираешь, мол, телефон подальше. Хочется поскорее взять и проверить, не написала ли красавица. Но держись, смотришь на часы... Хоть полчаса бы продержаться. Шансов, что она написала, становится больше, а главное, что сам ответишь не сразу. Не покажешь, что задница и всё остальное горит, вот как хочется с ней общаться и общаться.

Валера посмеивался над такими рассказами, ведь у него таких ситуаций не было. Ни в кого он тогда не влюблялся, а краткосрочные подруги сменялись как в калейдоскопе. А тут он так же ждёт сообщения от молодого парня... Кому рассказать, точно поймут неправильно. А как надо правильно? Валера и сам не знал.

За полночь, когда была открыта пятая банка пива и включена вторая часть "Полицейской академии", клякса мессенджера вдруг покраснела. Пришло...

Валера открыл сообщение. Слов не было, зато висела фотография. Явно давнишняя. Сердце Валеры перестало биться, руку с зажатой мышью свело судорогой. Он видел силуэт девушки, но не мог разглядеть черт лица. Надо открыть файл, но рука не двигалась.

– Блядь, да что ж такое? – Продолжал негромко общаться сам с собой Валера. – Давай же, не съест она тебя.

Валера открыл фото и разочаровался. Видимо, он подсознательно ждал, что сразу узнает женщину, вспомнит, нахлынут яркие воспоминания, но... Ничего подобного. Он видел её впервые. Худенькая, в простеньком платье, лицо немного растерянное, смущенная улыбка... Нет, не помнит.

Хотя... Проснулся мозговой червь и начал свою работу. Червь где-то в закромах памяти через пять минут достал очень смутное воспоминание. Лето. Валере года двадцать три. В июне получен диплом. Мама подкидывала денег, потому до осени работать он не планировал. Куча знакомых. Он сам, вечно молодой, вечно пьяный. Знакомства с новыми девицами. Какие-то тусовки в его священной однушке.

Девушка... Света? Да, вроде она, приехала поступать из соседней области. Что-то у нее не складывалось с жильем. Привела ее давняя подруга. Света по первости жалась в углу на полу, но дня через два поддалась общительности Валеры, и ещё через какое время уже спала на его диване. Вроде бы была совсем неопытной. Не зажигательной. Через какое-то время решился вопрос с общагой. Да, она вроде сказала, что больше не будет его стеснять. Да-да, Валера вспомнил, что хоть и не показывал вида, но она его стесняла. На пороге уже тёрлись новые подруги, а уложить их некуда, рядом место занято скучной Светой.

Света ушла, и больше они никогда не виделись. Валера смотрел на фото, хотел вспомнить что-то ещё, но не мог. Червь вынул всё. Странно, что вспомнил хоть это. Не оставила девушка никакого следа в душе. Вот вообще никакого. Почему в груди-то так щемит? Наверное, вспоминая будоражат. Молодость, веселье, беззаботность. Не надо терпеть убищное начальство. Не увезена за границу падчерица, которую он любил как дочь. Кстати, сколько сейчас Вере? Пятнадцать... Невеста почти. Вот и щемит сердце, вспоминая те совершенно беспроблемные времена.

Сколько же прошло? Двадцать пять лет. Точно, стык веков, бедность, даже нищета. И никого из друзей это не парило. Молоды, веселы. Секс, алкашка, рок-н-ролл.

– Гриш, я вспомнил вашу маму. Мы совсем немного были знакомы. Я помню её совсем юной, она куда-то поступила, а вот куда – не вспомню. Мне правда жаль, она была хорошей и доброй. А почему вы мне написали? – Валера разразился целой тирадой. Допил банку пива и снова с остановкой в туалете пошел за новой банкой пива.

У холодильника он замер. Двадцать пять лет назад? А Грише... Двадцать четыре!

Валера забыл про пиво.

– Блядь... – Другой мысли за этим не последовало. Валера побежал к ноутбуку. Сейчас его не интересовал мессенджер. Сейчас ему был важен профиль Гриши. И фас тоже важен. Он жадно принялся изучать фотографии. Увеличивал, вглядывался. Парень был шатен, худощав. Это совпадало. Нос, правда, небольшой. У Валеры все же рубильник что надо. Валера посмотрел на фотографию Светланы. Да, аккуратный носик. Гриша его заборал у мамы.

Мессенджер вновь мигнул красным.

– Я не думал вам писать, просто мама просила... Вы мой отец.

– Неожиданно. Я рад. Неожиданно. У меня никогда не было сына. Только дочь. Неродная, но все равно дочь.

Через пять минут Валера начал писать вновь. Писал, стирал, снова писал, снова стирал. Наконец устал, глаза от пива, от усталости, от оглушающей новости почти не видели. Нажал "Отправить".

– А почему же раньше не нашёл? Какая-то помощь? Что-то нужно?

... Утро, а точнее уже полдень Валера встретил в том же кресле возле ноутбука. С экрана почему-то орала Бузова.

– Вот тебе и "Полицейская академия", – пробормотал Валера. Дико хотелось в туалет.

Валера постоял под душем и вспомнил весь вечер. Он так и не посмотрел, был ли ответ от Гриши. Сын? Да ну ладно, никто от него не беременел. Он даже подозревал, что бесплоден. При его образе жизни в молодости, да и в семейном союзе он почти никогда не предохранялся. "Ощущение не те", – эта дурацкая истина была его сексуальным кредо. Как он избежал венерических неприятностей, одному Богу известно. А вот то, что никто ему не предъявлял младенцев, Валеру убеждало в собственной отцовской пустоте. Он был этому даже рад. "Что я дам ребенку? Ни денег, ни талантов у меня нет. Да и мне это на фиг не упёрлось", – так он убеждал себя. И то, что Вера перестала с ним общаться, только убеждало в правоте этих придуманных им самим постулатов.

Сын... Почему-то эта заноза в голове уходить не собиралась. Валера усмехнулся:

– Молодой отец. Отец-молодец, – он пошёл на кухню, колебался при выборе между чаем и пивом, но пива не хотелось. Хотя все выходные он планировал дуть только его, закусывая воблой. Но одна не доеденная рыбка так и лежала рядом с ноутбуком, а четыре воблы ждали своего часа в холодильнике. Но если вчера эта пища богов манила Валеру, то сегодня от вида пива и рыбы немного подташнивало.

Валера пожарил яичницу, попил чайку, и решил проветриться. Прогулка была бесцельной, а завершилось покупкой в ближайшей "Пятерочке" сыра и бутылки армянского коньяка.

– Палёный, наверняка, – промычал Валера ещё в магазине, но душа зачем-то требовала именно чего-то крепкого.

Вернувшись домой Валера решил посмотреть что-то сентиментальное, но не сложное. Нашел на хостинге фильм с Янковским "Влюблен по собственному желанию" и накатил пятьдесят грамм коньяку. Он смаковал оказавшийся удивительно неплохим коньяк. Вполглаза смотрел кино. И понимал, что он оттягивает момент, чтобы снова залезть в мессенджер. Только после того, как половина бутылки оказалась внутри Валеры, он решился. Открыл ВКонтакте, и сердце ёкнуло. Светилось не просмотренное сообщение. Ну что ж, надо ткнуть. Да, это от Гриши. Их было даже два. И пришли они сегодня утром друг за другом.

– Вы не думайте. Просто мама хотела, чтобы вы знали. Я не хотел писать, хоть и давно вас нашел в соцсети. Но она мне сказала перед тем, как... Вы теперь просто знаете.

– А помощь мне не нужна. Я работаю, собираюсь жениться после нового года. Все нормально. Просто мама просила, извините.

Валера читал эти сообщения уже час. Друг за другом. В обратном порядке. Слева направо. Справа налево. Коньяк закончился. Валера не чувствовал хмеля. Он думал.

Написать, что ничего страшного, что он рад? И забыть. Нет, так он уже не сможет.

Написать, что счастлив, хочет участвовать в его жизни, растить внуков. Шашлыки, рыбалка. Глупо, а нужен ли он взрослому сыну?

Намекнуть, что он не собирается помирать, и его квартиру наследовать очень не скоро? Вообще идиотизм, это сразу оборвать все контакты.

А вдруг Света ошиблась? Мало ли, тогда у него дома был тот ещё шалман. Вдруг ещё кто-то пристроился? Девочка она, конечно, скромная, но в его приятелях ходили те ещё самцы. Самые красивые девки не могли устоять.

– Гриш, извини, заснул под утро и спал весь день. Не отвечал. Слушай, я очень хочу встретиться. И понимаешь... Такое дело. Ну мало ли. Давай ДНК сделаем. Чтобы просто точно знать.

Как ни странно, Гриша ответил моментально.

– Я, в принципе, не против. Мне всё понятно, мама не могла врать. Да и сходство есть. Но вам это точно нужно? Для чего?

Валера пробежал глазами ответ. А и верно, для чего ему это? Никто ничего не просит. Жить как раньше, да и всё. Но жить как раньше уже не получится. У него есть сын. И он рядом, он не далеко, как Вера. И если это и правда сын, то... Валера сам не знал, что именно. Но что-то тогда точно будет. Обязательно такое, чего в его жизни не было, а должно было быть. Валера достал из холодильника пиво. Полирнул в желудке коньяк. Открыл Яндекс. Посмотрел по картам, где сдают такие анализы. На Весенней была лаборатория, которая работает до восьми. Как раз с работы можно успеть, а потом поговорить.

И ценник на их сайте лояльный, Валера думал, что анализ ДНК стоит запредельных денег.

Изучив информацию, Валера начал писать ответ.

– Гриш, мне это надо. Не знаю, зачем. Просто надо. Давай, например, во вторник встретимся в сквере на Весенней. Там и лаборатория есть, и кафешек полно. Поболтаем. Давай в шесть. Тебе удобно?

"Поболтаем... Дурацкое слово, девчачье. А у меня пацан как-никак", – подумал Валера. Надо же, пацан... У меня... Валера привыкал к этим мыслям. Он бросил взгляд на экран и скоро увидел ответ.

– Во вторник – хорошо, только в 6:30. С работы раньше не успею. Вы извините, мне уехать надо, не могу больше писать.

– Конечно. До встречи, – Валера попрощался и выдохнул. Ну вот и всё. Надо отпустить эту историю до вторника.

Отпустить получалось плохо. Он за выходные допил пиво. Порывался в воскресенье сходить за коньяком, но очень не хотелось в понедельник идти больным на работу. С похмелья он практически никогда не выходил, а уж тем более, став начальником. Да и воодушевление грело. Которое иногда сменялось смутной тревогой и болью в груди. В общем, состояние очень путанное.

Валера в понедельник втянулся в работу, в проблемы и радости сотрудников комбината, которые по обыкновению выслушивал целый день. Зато отвлекся от отцовских тревог. Сам об этой истории он никому, конечно, рассказывать не стал. Во-первых, ничего до теста ещё не известно. Во-вторых, почему-то ему было стыдно. Как будто он бросил сына в младенчестве, тот всю жизнь мыкался в страшной нищете, голодал, а теперь пришел час расплаты. Хотя... Может быть и мыкался, Валера ничего не знал о жизни Гриши.

Во вторник работа не шла. Валера удивлял сослуживцев своей неприветливостью. Огрызался на любую просьбу, постоянно смотрел, что происходит у него ВКонтакте. Вдруг, сын напишет. Вдруг...

Валера принципиально не устанавливал на телефон разные развлекательные приложения, считал, что по телефону надо только общаться голосом, ну максимум – смс-ками. А вся развлекуха – дома, в свободное время, на компьютере. Лазить по соцсетям с рабочего компью-

тера на комбинате не приветствовалось, но в этот день Валере эти догмы были по барабану. Блокировки на сайты не установлены, а значит, иногда можно подсматривать за своей лентой в мессенджере.

Мессенджер не маячил новыми сообщениями, и Валера к трем часам по полудню не выдержал.

– Гриша, привет! Сегодня встречаемся? У тебя всё в силе?

Ответ пришел через двадцать три минуты. Короткий.

– Здравствуйте. Да.

Валеру бросило в пот. Блин, как они встретятся? Что скажут друг другу? А что принести сыну? Машинку? Бред, ему же не десять... Если только свою Кио подогнать как компенсацию за годы без отца. Может быть ручку с позолотой, которую ему на комбинате подарили на сорокапятилетие, и он ее не распаковывал, держал для особых случаев, которые никак не наступали? Да на черта она ему нужна, ручка эта.

– Ладно, на месте разберемся. – Валера вслух поставил точку своим раздумьям и стал ждать окончания рабочего дня.

В шесть вечера Валера уже расхаживал по скверу. Присаживался на лавочку, но тут же вставал и начинал нервно расхаживать по дорожкам.

– Вы Валерий? – раздался мужской молодой голос за спиной.

Валера резко развернулся. Перед ним стоял парень, смутно напоминавший Валере собственное отражение лет этак -дцать тому назад. Молодой человек был заметно повыше, и глаза у него были серые, а не карие, как у Валеры. В остальном... Та же комплекция, схожая аккуратная прическа, отсутствие растительности на лице.

Щеки парня горели неярким румянцем. Молодость... Кровь с молоком, как говорилось в старых книжках.

– Да. Здравствуй, Григорий. – Горло у Валеры пересохло. Он откашлялся.

– Лаборатория вот тут через дорогу. Пошли?

Парень коротко кивнул, и мужчины пошли рядом. Пошли молча. Валера просто не понимал, о чём говорить. А Гриша сам инициативу не проявлял.

Они вошли в лабораторию, Валера объяснил цель визита администратору. Сама процедура была недолгой. Симпатичная девочка поелозила во рту у каждого ватными палочками, упаковала полученный биоматериал в конверты. Валера оплатил услугу, дама на ресепшн объяснила, что результаты будут готовы через пять дней. Забрать может только кто-то из них, на электронную почту они результаты не отправляют, только уведомление о готовности результатов.

– Странные какие-то правила, – подумал Валера, а вслух сказал:

– Гриш, ты есть хочешь? Тут кофейня рядом, вроде приличная, пойдем, попьём кофе, поговорим.

Гриша кивнул и достал кошелек:

– Я вам хочу вернуть две с половиной тысячи за анализ.

– Ни в коем разе, – Валера рукой остановил поползновения кандидата в сыновья. – Гриш, это мне надо. Тебе, наверное, уже и ни к чему, а я хочу знать... Потому мне и платить.

Мужчины вошли в кофейню. Как ни странно, занят был только один столик. Они выбрали место у окна, и юный официант сразу же принес им меню. Разговор надо было начинать.

– Как мама?.. – Валера осекся, понимая, что начал как-то очень криво. – Как она умерла? Долго болела?

Гриша помолчал. Потом спокойно сказал:

– Нет. Сгорела за два месяца. Живот разболелся, пошла обследоваться, и выяснилось, что... Поздно. Уже всё было поздно.

– Когда узнала диагноз, рассказала про меня?

– За два дня до смерти. Она уже была не в себе, в сознание приходила нечасто. А вот тогда целый день выглядела хорошо. И сказала ваше имя и фамилию. Я вас нашел сразу в соцсетях, но написать решился только сейчас.

– Понятно. Ну ты же спрашивал в детстве про отца. Что мама рассказывала?

– Да банальность. Типа того, что у папы работа очень далеко. И он приедет нескоро. А как я пошёл в школу, уже всё понимал. И не спрашивал.

Валере хотелось спрашивать ещё и ещё. Он прервался, пришел официант брать заказ. Гриша попросил принести черный чай и печенье. Валера взял американо и какой-то чизкейк, первый попавшийся, на который указал случайно дернувшийся палец.

Официант ушёл. Валера помолчал и решился на главный для него вопрос. Надо было узнать, мыкались они без поддержки отца, или всё сложилось у Светланы с сыном неплохо.

– Расскажи, как вы жили? Сложно было?

– Да не, как все... Мама на последних сроках беременности взяла академ, уехала домой. Мы жили с бабушкой до трёх лет. Потом она умерла. Мама продала дом, мы переехали сюда насовсем. Она окончила институт, работала. Я в садик ходил, потом в школу. Ничего интересного.

– Понятно. У мамы кто-то был ведь? Я имею ввиду, кто мог тебе заменить... – Валера хотел сказать "меня", но передумал. – ...отца.

– В детстве я не помню. Когда учился в седьмом, у мамы появился друг. Дядя Сережа. Года три ходил к нам, потом пропал. Мама не рассказывала подробности. Да и на отца он не претендовал. – Гриша засмеялся. – Я так понимаю, он был женат. Наверное, поэтому они и разошлись.

Официант принес кофе, чай и десерты. Валера помял ложкой чизкейк.

– Понятно. А сам чем занимаешься? Работаете?

– Ну конечно. Я инженер, отучился, сейчас работаю наладчиком станков. В машинах немножко секу, ремонтирую знакомым. Вот думаю, куплю какого-нибудь "корейца" подержанного, приведу в порядок.

– Давай я помогу с покупкой? – Валера оживился. – У меня тоже "кореец", одобряю.

– Вот этого не надо! – Гриша нахмурился. – Мне вообще ничего не надо, привык сам. Вы поймите, я ничего не хотел. Это мама просила... И Настя ещё весь мозг выела: "Напиши да напиши". Вот я и...

Гриша замолчал.

– Настя? – Валера не понял, что за новый персонаж появился в этой истории.

– Невеста. – Гриша совсем перестал быть словоохотливым. Он поискал глазами официанта и знаком попросил счёт.

– Мне пора. Пожалуйста, я сам оплачу наш заказ, раз уж вы заплатили за ДНК. Мне бы не хотелось...

"Быть вам чем-то обязанным", – Гриша фразу не закончил, но Валера всё понял и так.

Григорий рассчитался, они вышли на улицу.

– Я пойду, спасибо за встречу. – Парень повернулся в сторону Спортивного переулка.

– Гриш, это... Я тогда сам возьму результаты, а потом скину тебе.

– Хорошо, до свидания, – Гриша развернулся и быстро зашагал по улице.

Валеру отпустило... Накатила слабость, на ноги будто повесили гири. Он доковылял до сквера. Сел на лавочку и сидел с полчаса. Никаких мыслей в голове не было. В кармане зажужжал телефон. Валера вытащил его из кармана. На экране светилось имя абонента. "Зойка".

– Але, – сипло ответил Валера.

– Валерик, привет. Как ты? Вчера отзвонилась, ты трубку не брал. Работа твоя тебя доконает. Я в пятницу приеду. Ты ждёшь меня, котик? – Зоя как обычно трындела без остановки.

Валера поморщился. "Валерик". "Котик". "У меня сын скоро женится, а я всё "Валерик-котик", – Валера этого, разумеется, вслух не сказал.

– Привет. Да, работа. В пятницу не раньше восьми приезжай. Не могу долго говорить, начальство рядом.

– Поняла-поняла. До пятницы, мой хороший. Целую.

Валера отключился и пошёл к машине. Ну и ладно. Пусть приезжает. Надо же как-то пережить эти дни. До понедельника, когда, по его расчетам, должен прийти результат ДНК-теста.

Валера доехал до дома, купил два килопельменей, чтобы ничего в эти дни не готовить, а механически варить полуфабрикаты.

Выходные прошли относительно благополучно. Зойка своим присутствием и постоянными разговорами ни о чём отвлекала его от мыслей о ДНК. Валера даже поддался темпераменту подруги и выдержал несколько сексуальных набегов женщины. Гриша ничего не писал, да и Валера... Тоже не писал, так как не понимал, что именно писать. Ничего в голову не лезло.

"А вдруг результат отрицательный, а я совсем прикиплю к мысли, что у меня есть сын?". И хотя Валера почти не сомневался в результате, но всякое может быть в этой жизни.

А если сын, то что? Чем Валера ему сможет быть полезным? Чем увлечь?

– Кстати, я даже не спросил, чем он увлекается, что ему интересно... – прошептал тихонько Валера. – Ну а выяснил бы, то что?

Ну допустим, парень любит футбол. Слушает Курта Кобейна. Играет в какие-то компьютерные стратегии. Чем ещё молодые увлекаются? И что?

Валера спорта избегал с детства. Музыку в молодости слушал ту, что ставили в его тусовках, сейчас ту, что крутят по телевизору или по радио. И ничего его не цепляло. Компьютерные игры – смешно в его возрасте.

Что он будет делать с информацией о том, что отцовство подтверждено? А Гриша? По сути, кроме кровного родства, они чужие люди.

В понедельник утром на работе он проверил личную почту. Там лежало письмо от лаборатории, что результаты готовы и можно их забирать. Валера тянуть не стал. В обед он выскочил из комбината, прыгнул в своего "корейца" и рванул в лабораторию. Получив конверт с результатами, поехал обратно. Припарковав машину, долго мусолил конверт в руках. Руки тряслись. Открыть или подождать? А чего ждать? Зачем он тогда поехал посреди рабочего дня?

Валера решился и разорвал конверт. Вытащил лист с результатами. Пропустил мимо сознания табличку с какими-то непонятными цифрами и символами. Где главное? А, вот, выделено жирным!

99, 9778%. Отцовство практически доказано.

В голове была пустота. В груди горело. Как в тумане Валера поднялся на свой этаж, зашёл в кабинет. С рабочего скана сделал электронную копию результатов. Зашёл ВКонтакте. В чат с сыном прикрепил скан-копию. Отправил. Посидел. Подумал. Написал.

– Сын, здравствуй. Результаты пришли. Если честно, я не сомневался.

Потом Валера подумал и написал вдогонку.

– Гриш, вот мой номер телефона... Напиши свой. Я хотел бы общаться. Не знаю, как, но, возможно, будет нужна помощь. Совет. Я всегда, чем смогу.

Совет... А что я сделал в жизни путного, чтобы давать советы сыну? Он вон какой... Целеустремленный. Не злой. Образованный. Девочка у него, как её... Настя. А я что? Прогулял молодость, не удержал семью. Повышают на работе и то из жалости.

Валера бросил взгляд на мессенджер. Нет ответа, хотя письмо прочтено. Он убрал в портфель результаты ДНК и попробовал сосредоточиться на работе. Люди на прошлой неделе видели, что с ним творится что-то не то и перестали таскаться к нему в кабинет. Но сегодня потянулись. Людка приходила, говорила, что новый станок уже в третий раз встал на ремонт. Валера по старой привычке сочувствовал и старался переключить Людку на позитив.

Приходил его шеф, принёс новый анекдот. Поржали. Заглянула Зинаида Аристарховна, напомнила, чтобы он документы за прошлый квартал сдал в архив. Валера позвал ее попить чаю, а Зинаида, одичавшая в своем архиве, с радостью согласилась. Так и пролетели часы до конца рабочего дня.

Перед уходом домой Валера заглянул в мессенджер. Клякса горела, значит, кто-то написал. Сын! Валера открыл письмо. Прочитал. В груди уже не горело – пылало.

– Вы извините, Валерий. Я просто сделал, как мама хотела. Мы ведь друг другу никто. Я не хочу влезать в вашу жизнь. И вас впускать в свою тоже. Пусть все останется так как есть. Не надо нам общаться, простите. Всего вам доброго.

Валера посидел. Набил несколько слов в ответ.

– Да, Гриш, ты прав. Конечно. Просто знай, что если что, я рядом. Будь счастлив!

Ну что, пора домой.

– Что ж в ушах так звенит, будто колокол в голову вставили, – Валера чертыхнулся и попробовал встать. Через секунду он понял, что голова его лежит на клавиатуре. Он снова попробовал встать. Жуткая боль в груди, взрыв в голове... Это последнее, что почувствовал Валера.

Хоронили Валеру от комбината. Старенькой маме позвонили в тот же день, когда Валеры не стало. Сказали, что обширный инфаркт. Когда в его кабинет вошла уборщица, он был уже мертв. Скорая только зафиксировала смерть.

Мама, услышав новость, нажала отбой и тут же рухнула на пол. В доме была соседка, по-свойски заглянувшая обсудить, как Петровна будет укрывать розарий на зиму. Она вызвала скорую, маму забрали в больницу. В сознание она на момент похорон не приходила ни разу.

На похоронах, не сказать, что было очень много народу, но несколько десятков человек все же пришли проводить Валеру в последний путь, а после погребения отправились помянуть усопшего в комбинатскую столовую. Говорили много хороших слов.

Заместитель генерального рассказал, что работает на комбинате много лет, за это время сменилось множество работников, а Валерик был всегда. И никогда не спорил, всегда поддер-

живал все прогрессивные идеи начальства. И такого преданного сотрудника терять особенно больно.

Грустили сослуживцы, которые ходили в его кабинет как в комнату для релаксации. И в основном говорили тосты именно про душевность Валеры:

– Зайдешь к Валерику, он всегда чай предложит, доброе слово скажет

– А когда мне надо было помочь вещи при переезде погрузить, первым откликнулся Валерик.

– Семьи у Валерика не было, мы были все его семьёй.

Ничего не говорила Зойка. Наверное, впервые в жизни она не могла найти слов, только беспрерывно плакала.

За столом коллеги шептались:

– Плохо ему было в последнее время, но и подумать никто не мог...

– Да-да, бледный такой ходил, даже прикрикнуть мог, чего за ним отродясь не водилось. Видимо, от болей.

– Уезжал он в тот день куда-то. Видимо, припекло, к врачу ездил. Но разве ж они помогут, только таблетки дорогие выписывать и деньги за приём драть.

Никто из них не знал, что у Валеры в этот день случилось самое знаменательное событие в жизни. Оно же стало последним...

– Грриииша... – юная девушка кидалась снежками в молодого парня.

– Убила, – засмеялся Гриша после точного попадания холодного снаряда в голову и картинно упал.

Девушка прыгнула на лежащего на снегу парня и счастливо засмеялась.

Гриша на эти выходные купил путевки на загородную турбазу. Ведь у него с Настей было событие. Ровно два года назад дипломнику Грише, который как профорг помогал в деканате, принесли забытую женскую сумку. Он пошел искать, кто из студенток мог её потерять. И увидел плачущую девочку, сидящую на подоконнике. Внутренняя чуйка ему подсказала, что это и есть хозяйка находки.

– Девушка, а не по этому кожаному мешку вы убиваетесь?

Девушка вскинула на него серые залитые слезами глаза, и Гриша понял: "Попал!". С тех пор завязалось тесное общение, начались свидания, совместные выходные, отпуска. Ну а теперь в конце января они планировали свадьбу. Холодно, но и тянуть было нельзя. В конце июня – начале июля у ребят должен появиться на свет первенец.

Гриша встал на ноги, аккуратно поднял Настю. Задумался. И сказал:

– Насть, я вот долго думал. Ты не против, если мы на свадьбу пригласим моего отца? Он так-то ни в чём не виноват, да и потерянный. Конечно, может у него дела, семья, я не спросил. Но... Вдруг он захочет. Да и лишний дед нашему дитёнышу точно не помешает.

– Блин, ну конечно! Я только рада буду. Он вроде бы и неплохой человек. А то я буду на свадьбе при мамках-бабках, а ты у меня совсем один. Будто я тебя подобрала, отмыла и на себе женила.

– Ага, вернёмся, напишу ему ВКонтакте. А лучше позвоню, телефон-то он оставил. Удивится, небось. Скажу:

– Здравсти, признаю вас своим папаней. Будьте любезны на свадебку сыночка пожаловать.

Ребята засмеялись и пошли в корпус греться. Скоро обед, вот и аппетит как раз нагуляли.

Конец

ДЕВЧАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Виталина ощутила, что она проснулась. Ну как проснулась... Жутко захотелось пить. Просто страшно. И этот импульс дошёл до сознания. "Я сейчас сдохну, если не попью чего-то холодного!", – промелькнуло в мутном мозге Виталины. Она попробовала поднять голову, но поняла, что на месте головы у неё танк. Ну или что-то ещё более тяжёлое.

Да что там голова... Она не могла открыть глаза. Такое ощущение, что на них лежат не веки, а канализационные люки. Ох! Она просто не могла пошевелиться. Постепенно пришла боль. Дикая боль разрывала голову, грудь, промежность. Она кричала, но не слышала себя. В какой-то момент раздался хрип. И это был уже прогресс.

Где-то далеко она услышала звуки. Вроде как кто-то разговаривал. Какие-то слова типа "укол" или "монгол". Виталина не понимала. Кто-то трогал её руки. Она пыталась вырваться, но тело не слушалось совсем. Вскоре в голове зашумело, и Вита провалилась куда-то в жуткую темноту.

Молодая медсестричка Вера объясняла следователю Никифорову, что опросить пострадавшую никак не получится.

– Я же говорю вам, она трое суток без сознания. Утром вроде бы были признаки, что очнулась, но корёжило девчонку так, что пришлось вколоть седативное. Дня через три попробуйте.

– У меня тоже сроки. – Никифоров нервно достал сигарету, понюхал и убрал в нагрудный карман. – Вы дежурили, когда её доставили?

– Нет, Надя была. Старшая медсестра. Она сейчас здесь. – Вера подняла глаза на Никифорова. – Позвать?

Никифоров просто посмотрел на Веру так, что она все поняла, схватила телефон и набрала номер.

– Ленусь, а Надя там далеко? Её следователь спрашивает. Пусть в хирургию к нам подымет.

Минут через десять на сестринский пост подошла женщина средних лет. Никифоров поднял на неё глаза и понял – эта уставшая суровая медработница суетиться при виде правоохранителя не станет. С этой надо помягче, душевно.

– Здравствуйте, Надежда, – улыбнулся Никифоров и достал служебную корочку. – Я – следователь Следственного комитета Никифоров Юрий Михайлович. А вас как по отчеству?

– Петровна, – хмуро ответила Надя и смахнула выбившуюся из-под шапочки прядь.

– Надежда Петровна, вот на вас у меня вся надежда, простите за каламбур. Это же вы принимали третьего дня пострадавшую в отделение?

– Ну, – Надежда Петровна не демонстрировала свои навыки коммуникации, да и этот следак с наглой улыбкой симпатии у нее не вызывал. Явно теперь не слезет, домой вовремя не уйти, а надо ещё в магазин зайти, дочь разве допросишься.

Никифоров продолжал улыбаться и аккуратно тронул Надю за локоток.

– Расскажите, пожалуйста, говорила ли она что-то? Какие травмы у нее? Какой диагноз? Брили анализы на алкоголь и наркотики? – Никифоров перевел дух и продолжил. – Мне всё-всё бы знать, в подробностях.

– Да какие там подробности. – Надя отчего-то разозлилась. – Девка без сознания приехала. Мужик ее подобрал на дороге. Говорит, почуял неладное. Она в одних трусах. Скоро ноябрь – резануло его. Он тормознул. Глядит, кровь на ногах. Она не в себе. Крикнул, нужна ли помощь. Она открыла дверь машины, повалилась на заднее сиденье и отключилась. Вот и всё. Сюда уже санитары заносили. – Надя была явно зла на пострадавшую.

– Надежда Петровна, а вам не показалось, что мужик этот был знаком с пострадавшей? Может, он к её крови какое-то отношение имеет?

– Ага, конечно, вам бы только прицепить кого-то к чьей-то крови! – Надежда Петровна явно обозлилась на Никифорова. – Нормальный мужик. Не-рав-но-душ-ный! – По слогам в лицо Никифорову произнесла Надя.

– Да верю я, верю, – Никифоров понял, что с тактикой обаятельного самца промазал и сменил маску. Теперь он отзеркалил Надю, вдруг поник и превратился в уставшего государева служаку. – Знаете, всяко бывает. Но мы и живы, пока такие равнодушные люди попадают.

– Да вы сами у него спросите. – Надя подошла к журналу, полистала и протянула его Никифорову. – Вот его данные, номер автомобиля, телефон, адрес. Поезжайте, опросите

– Ох, как славно. Вот как вы меня выручили, Надежда. А иной раз приедешь по делу, а там никто ничего не знает, не помнит, не видел, не слышал. У всех хата с краю. Так мы страну потеряем, как пить дать, – причитал Никифоров, фотографируя журнал.

– А что тут знать? Нагулялась девка неудачно. Всё жить им скучно! Всё приключения на задницу ищут. Моей десять всего, а уже кто у неё герои? Бузовы всякие и девки соседские, которые по клубешникам наркоманским прыгают. – Завелась Надя, и Никифоров понял – за дочь переживает. Вот и проецирует эту ситуацию на себя.

– Ох как вы правы, Надежда Петровна! – подхватил государев служака. – Да и не только молодые. Я чего ж спрашивал ваше мнение про товарища, который её привез... Тут намерен в третью городскую один солидный господин второго солидного господина привез. Тоже, мол, подобрал. А у того в заднице цоколь от лампочки торчит. Кровища. Орёт, мол, скрутили, вставили. Гопники, мол, поиздевались. Вечером жена пришла, кричит, на меня кидается, мол, сыщи иродов, что мужа моего покалечили. А через день скандал – этот спаситель приехал навестить пострадавшего от иродов, и разругались они напрочь. Орали на всё лечебное учреждение. В игры свои тайные играли, оказывается, которые в нашей стране не приветствуются. Вот и не рассчитали.

– Тьфу, – коротко и хмуро прокомментировала ситуацию Надя. – Ну вот и тут что-то такое. Правда, у девки ожоги на груди, будто бы бычки о сиськи тушили. Промежность разорвана. Передозировка наркотой. Да каждую неделю к нам похожих шалав привозят. Тусовки у них. Вписки. Просто трахаться им уже неинтересно. Надо попробовать что-то такое... Эдакое. Под наркотой-то ни боли, ничего. А потом их кавалеры не доделанные с апельсинами приходят. И ржут как кони, пока тряпками не выгонишь.

После разговора с Надей Никифоров понял, что проблем закрыть дело не будет. Вот только списать и забыть не хочется... Завтра новую привезут, обдолбанную и с колом между ног. А если та не выживет?

– Ладно, посмотрим, – пробурчал Никифоров сам себе и начал набирать номер водителя, привезшего шалопутную девку.

Вита открыла глаза и уставилась в белый потолок. Точнее, она не видела ни потолка, ни его белизны. Муть перед глазами. Как ни странно, голова была более-менее ясная. "В больнице...", – догадалась Виталина. Не в первый раз. Где-то с полгода назад она тоже попала в клинику. Правда, тогда она в деталях помнила, как хлестала джин-тоник, как наутро разрывало внутренности, как молодой фельдшер уговаривал ее поехать на госпитализацию и в итоге уговорил, пообещав, что к вечеру станет гораздо легче.

Так и вышло. После капельницы её отпустило, а еще через день она нам стала отказную и с выпиской, гласившей, что у пациентки обострение хронического панкреатита (под вопросом) ушла домой. Медсестры тогда смотрели на нее с презрением. Одна даже громко прошептала, мол, девке двадцать один, а она уже хроник. До панкреатита добухалась.

Что это за болезнь, Виталина не знала, да и неинтересно ей было было. Ей было вообще ничего неинтересно. Вся жизнь уже несколько лет состояла из тусовок, алкоголя, каких-то сменяющихся компаний, баров, клубов и квартир, в которых происходило чёрт-те что. Ей изредка удавалось избегать случайного секса, не получала она от него удовольствия. Чаще всего он был неотъемлемой частью тусовки.

Виталина лежала с открытыми глазами довольно долго. Никто из медсестёр и врачей к ней не подходил. Почему? По фигу, ей и это было неинтересно. Даже боль, тупая и постоянная, её не беспокоила. Ну болит и болит. Повернуться невозможно. Значит, надо терпеть. Виталина привыкла терпеть. Не лезть. Не надоедать.

А разве так было всегда, что ей было всегда на всё и на всех плевать? Виталина лежала в одной позе, и на нее постепенно как в калейдоскопе накатили воспоминания. Такие же цветные. И очень ясные.

Виталина помнила себя лет с трёх. Тогда отец с матерью жили вместе. И если спорили, то только о том, чем занять её, Виталину. Отец хотел записать её в какие-то спортивные секции, а мать – на музыку. Жили они у бабы и деда. Маминых родителей.

Что потом произошло, она точно не знала. Мать потом рассказывала, что отец оказался сволочью. Папа утверждал, что мать – конченная шалава, и если Виталина пойдёт по её стопам, он от неё отречется. В принципе, так и случилось. Но это было потом.

Когда все начало рассыпаться, она всё время куда-то переезжала. Сперва с родителями к другим бабе и деду. Потом с матерью назад к её родителям, а отец оставался со своими. Потом снова втроем жили в какой-то очень грязной квартире, которую все называли съемная. Виталине запомнились чёрные стены, родители говорили, что там был пожар, и квартиру до конца не отмыли. Почему они поселились именно там, Виталина так и не узнала.

Она начала привыкать не задавать вопросы и ничего не рассказывать, когда отец окончательно перестал с ними жить. Мать сказала, что он нашёл какую-то бабу и теперь ей не папа. Они в очередной раз переехали к бабе и деду, которые тоже хором рассказывали о мерзорности папаши Виталины.

Отец вскоре снова женился, у него родилась еще одна дочь. А мать постоянно находилась в поиске. Знакомила Виталину с какими-то дядями Юрами, Витями и Рамазанами. Дяди даже иной раз селились в их небольшой тесной квартирке к неудовольствию бабы с дедом. Ненадолго. Через несколько месяцев Виталина даже забывала их в лицо.

Отец с матерью вынуждены были общаться друг с другом. И их разговоры неизбежно перестали в крики. В основном они спорили, с кем Виталина проведет выходные. Её не тянули к себе. Наоборот, каждый настаивал, что именно в эти выходные у него неотложные дела,

потому быть с девочкой он никак не сможет. В результате чаще всего Виталину везли к бабке с дедом по линии отца. Ведь другие баба с дедом и так с ней живут и нуждаются в отдыхе.

С тех времен Вита запомнила главное – нельзя ничего рассказывать другому родителю. Ничего ужасного с ней не происходило, никаких страшных картин она не наблюдала, но почему-то ей строго-настрого запрещали делиться информацией. А за то, что она будет спокойной молчаливой девочкой, обещали шоколадку. Об обещании, конечно, всегда забывали.

Когда Виталина пошла в школу, она была абсолютно чистым листом. Буквы с ней никто не учил, цифры она тоже не знала, и учительница на родительском собрании всегда выделяла её как способную, но отстающую. На собрание ходила либо мать, либо бабка, а после него дома поднимался крик, как им за нее стыдно. Вита спокойно и молча слушала эти крики, а после "уйди с моих глаз долой" шла в кровать. Лежала в одной позе, в точности как сейчас, и представляла, как поёт на сцене. А весь зал плачет от восторга и кидает ей цветы.

Ведь когда начались уроки музыки в школе, учительница обнаружила в ней талант. Она сама немножко позанималась с Виталиной, потом спросила её, хочет ли та петь. А Вита хотела. Учительница договорилась с подругой – музыкальным педагогом о прослушивании девочки, а после обе женщины позвали мать.

Мать пришла явно не в духе. Накануне от них съехал очередной дядя Гоша, и мать негодовала, что после работы ей придется тащиться в школу и выслушивать очередные упрёки учителей. Когда дочь наоборот начали хвалить, говорить про её музыкальные способности и убеждать в необходимости учиться пению, мать просто отмахнулась.

– А как прикажете её возить? Машины у меня нет, работаю допоздна, а бабка с дедом и так маются с этим ребёнком. Нет у меня ни времени, ни желания потакать баловству.

– Вероника Сергеевна, но ведь ваша дочь талантлива, из нее может получиться прекрасная артистка, – педагоги до последнего пытались убедить мать.

– Знаю я, каким местом в эти артистки пробиваются, не морочьте голову ни мне, ни ребёнку, – потащила Виту мать домой.

Виталина не проронила ни слезинки. Она всё восприняла как должное...

Через три дня Никифоров вновь появился в больнице. Он съездил домой к шоферу, который привёз в клинику потерпевшую. Поговорил и наметанным глазом определил, что водитель действительно равнодушный человек, который увидел неладное и остановился около странно ведущей себя девицы. Парню было тридцать пять, он работал экспедитором и возвращался с работы домой очень поздно. Ну или рано, с какой стороны смотреть.

– Иван Александрович, а вы всегда тормозите, если вам что-то кажется необычным?

– Не всегда. Но здесь явно девочке была нужна помощь. Вы бы, господин следователь, поступили иначе?

Рядом сидела жена Ивана и пристально смотрела на Никифорова. Он немного даже съёжился под этим взглядом, казалось, если её мужа следак сейчас начнёт прессовать, она кинется на него, как ворона. И заклюёт за мужа до смерти. Юрий Михайлович даже позавидовал. Ведь она бросала взгляд и на мужа. Взгляд, смешанный с гордостью, нежностью и испугом.

За всю свою сорокашестилетнюю жизнь Никифоров женой не обзавёлся. Как-то не складывалось. Юридический институт, дальше работа на "земле", затем в Следственном комитете. Романы с коллегами женского пола, свидетельницами, и даже одна бывшая подследственная отблагодарила его лаской и заботой за то, что он разобрался в её деле и снял все обвинения.

Этих романов было совсем немного за все годы, и ни одна из зазноб не смотрела на него так, как вот эта относительно молодая женщина на своего мужа. Поэтому никаким свадебным хэппи-эндом ни одни отношения не завершились. Люди понимали, что они пересеклись не надолго и, по сути, друг другу чужие. После чего спокойно расходились.

Никифорову нужно было допросить пострадавшую, ведь лечащий врач по телефону сказал, что поговорить с ней можно. Недолго, минут двадцать. Правда, если получится. Она не отвечала на вопросы медиков, и продолжала числиться неизвестной. Может быть следяку удастся её разговорить.

Но на допрос он не спешил. Поднявшись на лифте на седьмой этаж в хирургическое отделение, Никифоров подошёл на пост. Там сидела незнакомая ему медсестричка. Юрий Михайлович спросил, работает ли Надежда Петровна. Ему зачем-то обязательно надо было рассказать ей, что она была права, и водитель, привезший пострадавшую, действительно хороший человек.

Надежда работала. Следак строго попросил пригласить ее на важный разговор, и медсестричка испуганно побежала на поиски старшей медсестры. Надежду долго искать не пришлось. Минуты через две она явилась на пост, привычно заправляя под шапочку выбившуюся прядь. Никифорову она коротко кивнула и вопросительно посмотрела на него. Более благосклонно, чем в первый раз. По крайней мере, ему так показалось. Так ему хотелось думать.

Он вдруг понял, что на самом деле ехал сегодня именно к ней. Именно эта встреча ему была важнее, чем допрос пострадавшей. "Совсем непрофессионально", – подумал Никифоров. Но эта мысль ни капли его не расстроила. Он и так всю жизнь занимался профессией. Только ей, по большому счёту. Даже похандрить было некогда. Иной раз хотелось по-мужски забухать от однообразия жизни, но чувство ответственности было сильнее. А сегодня оно отчего-то ослабло.

– Надежда Петровна, поговорил я с водителем, – сказал Никифоров.

– И? – это было единственный звук, который сегодня слышал Никифоров от Надежды. Пора было растопить этот лёд.

– Что сказать, я восхищён вашим зорким взглядом. Просто поражен. Да, мне пришлось пообщаться с ним под протокол, и я полностью согласен – парень никакого отношения к травмам девочки не имеет. Если бы не он, неизвестно, осталась ли она жива. Так что ваша оценка была категорически верна.

– Я рада. – Надежда снова не потрясала многословием.

"Что-то в семье у неё, может быть?", – подумал Никифоров. Чутьё ему подсказывало, что никакой семьи у женщины нет. Дочь есть. А вот тепла, доверия, мужика – вот это вряд ли. Слишком закрытая.

Он был прав. Муж у Надежды ушёл семь лет назад. Что её объединяло с Никифоровым, так это отношение к делу. Она очень много работала. На должности, которая не приносит ни денег, ни удовольствия. Но приносит какое-то чувство нужности и важности себя для людей. Муж работал клерком в банке, дочь Дашка оставалась с мамой (папа у Нади умер от онкологии еще двадцать лет назад).

Муж собрал вещи в один день. Сказал, что уже год любит другую. И оставался жить с Надей только ради дочери. Но раз Надежда ничего не замечала, значит, ей наплевать на него. И он так больше жить не намерен. Уходит строить личное счастье...

Ага, ради дочери он оставался... Как же. Ни подмыть, ни покормить, ни даже погулять с Дашкой он не умел и не стремился. Да и после ухода Дашку он ни разу не навестил. Что там у него в семейной жизни, никто не знал. Но, вероятно, жив-здоров. На протяжении всех семи лет от него исправно приходили на карту Нади деньги. На алименты она не подавала, потому можно назвать эти поступления материальной помощью. Цельных три пятьсот. Из месяца в месяц. Каждое десятое число месяца. Плюс-минус один день. Бывший муж всегда славился пунктуальностью

Зла Надя на мужа не держала. Некогда ей было злиться. Да и... Прав он. Ей и правда было наплевать. Замуж она вышла, потому что мама сказала, что ей уже пора. Двадцать четыре почти. А она все в девках. Тьфу смотреть. А тут ухажёр. Вроде чистый. Вроде не урод.

Через месяц после свадьбы беременность. Но не то что любви, даже симпатии она к Коле не испытывала. Потому действительно виновата во всем сама. Через три года после рождения Дашки – развод. От ухода мужа стало даже легче.

У нее – работа. Она мечтала стать врачом, пойти в мединститут, но ей было некогда. Надя была невероятной старшей сестрой. Ее любили и побаивались пациенты. Сестры называли её по имени и на ты, но беспрекословно слушались.

Год назад случилась беда. Надя почувствовала уплотнение в груди, разумеется, тут же поняла, что это может быть. Прошло обследование, которое подтвердило – рак груди. Немудрено, её жизнь проходила совсем без мужчин, что является фактором риска. Еще одним фактором была наследственность – папа умер от рака. Хорошо, хоть обнаружили эту болячку рано. Надя легла на операцию, поручив дочь ставшей совсем уже старенькой маме.

Лечение прошло хорошо. Грудь оттяпали, метастазы отсутствовали. Но вероятность рецидива была очень большой. Надя страшно переживала за дочь. Мама уже с ней не справляется. У дочери шибко рано начался переходный возраст. И случись что с Надей... Пропадёт Дашка. Тогда Надежда впервые пожалела, что дочь осталась без отцовского воспитания. Но ее вины в этом не было, отец совсем не жаждал видеть дочь.

А тут этот следователь. Надя осознала, что он вызывает у нее симпатию. Родное что-то она чувствует. Ей впервые захотелось что-то кому-то рассказать и даже пожаловаться. Именно поэтому все слова затолкала внутрь себя. Ещё чего! Да еще и расслабишься, а неё вот это... Надо называть всё своими словами – она урод! Нет сиськи. Зачем сближаться с человеком, если она ему все равно будет не нужна. На пластику у нее нет ни денег, ни времени. Какому мужику интересна безсисечная тетка бальзаковского возраста с дочерью, обладающей отвратительным характером? Нет, надо держать этого казенного сапога подальше от себя. Не для нее никакое бабское счастье.

– Надежда Петровна, у меня к вам просьба. – Никифоров умоляюще посмотрел на старшую медсестру. – Проводите меня, пожалуйста, к пострадавшей и, если не затруднит, побудьте рядом при опросе. Это недолго. Я уверен, что девочка при вас будет более откровенна.

– Да уж... – Надежда откашлялась. Поняла, что её "многословность" выглядит уже совсем по-дурацки. – Конечно я буду рядом. А то еще затравите девочку, ей и так несладко пришлось. Хоть и сама нашла приключения на свою задницу.

– Ой, вот и славно, вот и хорошо, – Никифоров запричитал, взял Надю за локоток и повёл по коридору.

– Куда вы? – Старшая медсестра освободила локоть, развернулась и пошла в другой конец коридора. Реанимация в другой стороне.

Никифоров послушно засеменил за ней. Они вошли в реанимацию, где стояли три койки с оборудованием. Две из них пустовали, а у стены лежала на спине девушка и пучила глаза в потолок. "Красивая...", – подумал Никифоров. "Только абсолютно белая, крови, поди, половина вышло".

– Меня зовут Юрий Михайлович Никифоров, я следователь. – Никифоров взял стул и поставил его рядом с кроватью Виты. – Как вы себя чувствуете?

Виталина скосила правый глаз на следака, и просипела:

– Терпимо.

– Вы можете говорить?

Виталина даже бровью не повела. Никифоров не понимал – это она просто не намерена общаться или просто не в себе. "Гм... Пустышка. Вряд ли что-то выйдет из этой затеи", – подумал Никифоров, но сдаваться он не привык.

– Девочка, мы твои друзья. И пришли тебя защитить. Я не задержу тебя надолго. Поговори со мной минут двадцать, и я уйду.

– Десять. – Отрезала вдруг Надежда. – Не бойся, малышка, мы тебя никому в обиду не дадим.

У Виты вдруг из глаз полились слёзы. Она затряслась, Никифоров растерялся и закрутил головой. А Надежда спокойно подошла к девушке, села на край кровати, нагнулась и молча обняла её. Вита плакала навзрыд минуты три, после чего постепенно успокоилась. Никто и никогда не называл её малышкой, по крайней мере, она этого не помнила. Нет, иной раз что-то такое противное, приторное, типа "малышка", "зайка", "крошка" произносили её кавалеры. Мужики явно используют эти дебилские клички для всех своих девиц. Чтобы не перепутать.

А вот отец, мать, бабки и деды – никогда. "Обуза", "мерзавка", "бестолочь", а когда стала постарше – "кобылица" и "оторва". Вот это она слышала о себе дома. А эта медичка сказала и обнимала её как-то по-маминому, заботливо и нежно. Вита именно так представляла себе настоящую мамину любовь.

Никифоров смотрел на них, не мигая. Он понимал, что сейчас лучше всего не отвечать. Не спугнуть. Отрыдавшись, девушка, не меняя положения в кровати, тихо сказала:

– Спрашивайте...

Никифоров, изобразив максимально заботливого пожилого дядьку, запричитал:

– Детка, мы даже не знаем, как тебя зовут, сколько тебе лет, откуда ты. У нас нет телефона твоих близких. Расскажи нам про себя.

– Виталина Андреевна Поморцева. Двадцать один год. Живу в Волжском. Снимаю квартиру с одной девочкой. – Виталина помолчала. – Близких у меня нет.

– Ты что же, сирота, бедняжка? – Никифоров продолжал играть свою роль. – Где же родители? Может, молодой человек есть у такой красавицы? Подружка, с которой снимаешь квартиру, наверное, переживает?

– Родители есть, но у них своя жизнь, я не общалась с ними несколько лет. Даже теперешних телефонов их у меня нет. – Виталина равнодушно, будто с суфлёра, произносила ровный текст. – И молодого человека нет. Подружка... Не подружка она мне, просто в баре познакомились, договорились снимать квартиру вскладчину. Так дешевле. У каждой своя жизнь. И не переживает она. Я иногда неделями не появляюсь дома. Да и она тоже.

Никифоров кашлянул. "Ну как я и думал. Беспутная. Ну что же теперь, позволять над ней издеваться?". – Следователь он был не бездушный. И не любил, когда людей зазря обижают.

– Расскажи, что с тобой случилось? Кто с тобой такое сотворил?

– Да не помню я... Мы с девчонками гуляли в клубе. Познакомились с тремя парнями. Я пьяная уже была... Поехали к ним домой. Очнулась уже здесь. Что там было, как я тут оказалась... Я не знаю.

– А клуб какой был? В Волжском?

– Да обычный жлобский клуб. Да, в Волжском. Вроде "Трубадур" называется, я там была раньше несколько раз.

– А зачем же ты к парням-то поехала? Ты что же не понимала, что может быть всякое? Изнасиловать могут, а то и чего хуже. Вот с тобой и произошло...

– А зачем насиловать? Мы и поехали развлекаться. Обычное дело, не первый раз.

– Пили там что-то? Может, химия какая была? – Никифоров начал раздражаться. Девка-то прожжённая. Шляется по квартирам, гуляет, трахается со всеми подряд.

– Я же сказала, не помню. Может, пили. Может, химия. Обычное дело...

Виталине разговор уже давался с трудом. На лбу выступила испарина. Надя засуетилась.

– Всё, на первый раз достаточно. Поговорим в другой раз. Главное, мы выяснили, кто ты. А наш Шерлок Холмс разберётся.

– Да-да. – Никифоров тоже понял, что сегодня добиться чего-то уже не получится. Да и девчонку мучить не хотел. – Виталина, красивое у тебя имя, как и ты сама. Я навещу тебя через несколько дней, ты выздоравливай.

Старшая сестра и следователь вышли из палаты. Никифоров был задумчив. Уже была зацепка, но... Криминала не было. Переиграли молодые в свои игры тупорылые, покалечили девочку. Но порыться надо. Всё, что положено, выполнить. Мало ли, что там за игруны...

– Надежда Петровна, спасибо вам за содействие. Мне пора. Я вижу, вы переживаете за девчонку? – Никифоров решил добиться свидания с женщиной. Она всё больше ему нравилась. Родной какой-то уже становилась.

– Да уж... Вот тебе как... Родители не милы стали, сами знают, как лучше жить. Ничего не хотят, кроме гулянок своих. А потом вот так. И жалко же её, не похожа она на пропащую. Может уроком станет. Жестоким, но уроком. Да и кто знает, может быть, так жизнь пошла, что потерялась она, плывёт по течению. А оно... Сами знаете, прибьёт к камням, и не выберешься. – Надежду явно завёл этот разговор с Виталиной, прониклась она жалостью к девочке.

– Надежда, давайте так... – Никифоров вдруг оробел, но продолжил. – Я все выясню. Найду и сожительницу её, и родителей. А потом вам позвоню, и мы поговорим. Всё расскажу как на духу. Только не в больнице, пожалуйста. Стены тут гнетущие. Встретимся где-нибудь в сквере, да обсудим и здоровье девочки, и ситуацию. Хорошо, Надежда Петровна? – Никифоров выпалил всё это за пять секунд и уставился на женщину в ожидании ответа.

– Стены тут ему не нравятся. – Пробурчала Надежда. – Можно подумать, что у вас в прокуратуре, или где вы там сидите, стены розами разрисованы. Ну ладно, звоните, – под конец фразы Надежда смягчилась. – Посмотрим.

Никифоров остался доволен ответом. По опыту знал – если женщина грозитя подумать, на девяносто процентов с ней что-нибудь, да сладится. Главное, самому не накосячить.

– И вы знаете, мать поорала на неё, и ушла. Засохший апельсин даже принести нужным не посчитала. Нет, дочь она, возможно, плохая. Но ведь дочь же...

В кофейне, где сидели Надежда и Никифоров, очумело пахло кофе и выпечкой. Никифоров подумал, что ему давно не было так уютно. За окном моросил дождь, а в полупустом зале снова юная официантка и предлагала посетителям попробовать фирменный десерт. И так смущённо улыбалась, что у глядевшего на нее Никифорова внутреннее состояние уюта еще больше усиливалось. Не хотелось думать о делах...

– Вы меня слушаете вообще? Вам в принципе интересно, или вы пришли за девочками в передниках подсматривать? – рассердилась Надя, проследив за взглядом следователя. "Ревнует", – с удовольствием подумал Юрий Михайлович.

– Да что вы, Надежда, мне всё, что вы говорите, настолько важно... Вы даже представить себе не можете, насколько. Пригрелся, три дня ведь на ногах. Расслабился. Всё! Мобилизуюсь!

Никифоров действительно многое успел за неделю. Учитывая, что у него в работе находилась еще куча дел, удивительно, что Юрий Михайлович не стал затягивать и собрал максимальную информацию. Она не могла считаться оперативной тайной, потому Никифоров спокойно рассказывал Наде о некоторых подробностях из жизни Виталины.

Он, разумеется, выяснил все данные пострадавшей. Отыскал родителей. Первым набрал отцу, тот был с семьёй (с третьей по счёту женой и четвертым по порядку ребёнком) где-то на курортах.

– Я так и знал, что этим всё кончится. С такой мамашей только шалава и могла вырасти. – Так ответил папа Виты и наотрез отказался прерывать заслуженный отдых.

Мать выслушала молча, уточнила адрес больницы и примчалась на следующий день. Она устроила дикий скандал дочери, с заламыванием рук и причитаниями по неудавшейся жизни и отвратительному ребёнку. Вита слушала её завывания молча, не проронив и слезинки. Ну это Надежда видела и сама, именно она в конце концов выставила мамашу из отделения.

Никифоров разыскал адрес, где снимала квартиру девушка и наведалься туда. Поговорил со Светланой, с которой вскладчину арендовала жильё Виталина. Та подтвердила, что жизни и тусовки у них разные. И она знать не знает компанию Виты.

Он даже нашёл девицу, которая была в тот злополучный вечер с Витой и поехала. Когда Никифоров представился, эта мамзелька побледнела, начала заикаться, но твердила одно – да, ездили, куда – не помнит, уехала на такси, а Вита исчезла ещё раньше. Вероятно поехала домой. По именам никого не помнит, дело житейское – просто развлеклись, а утром парни вызвали ей такси. Больше ничего не помнит, всё было обычно, без странностей.

В том самом клубе Никифорову сказали, что помнят и Виту, и её подругу. Они бывали там частенько. Но в какой-то момент пропали. Больше не появлялись. Именно там, опросив завсегдатаев, он и вышел на след подруги, но, объяснил он Надежде, как уже было сказано, подруга пошла в несознанку.

Старый следак нашел и таксиста, который вез подругу, узнал адрес, откуда ее забирал, а дальше вычислил адрес. Хозяином квартиры, в которой гостевали девицы, был некий Геннадий Коростылев, двадцати трех лет от роду. Его родители трудились в Китае, а Гена бил балду и куролесил. Никаких приводов в органы он не имел, но, как сказали соседи, донимал жильцов подъезда громкой музыкой по ночам.

Гена был вежлив, извинялся, если на утро ему делали замечания, говорил, что постарается больше этого не допускать, но продолжал водить домой девиц и дружбанов. Не сказать, чтоб очень часто, но и не эпизодически.

Гена сделал вид, что обрадовался визиту следователя. Сказал, что рад обнаружению Виты. Он ее вспомнил, сказал, что ушла из квартиры она без одежды и отдал Никифорову ее джинсы, плащ и блузку. Да, все были пьяные. Нет, он не знает, от чего её переклинило. Нет, он не знает никого из гостей, в том числе парней. Все познакомились тогда в баре. Он часто от желания найти новых интересных людей по пьяни таскает домой шапочных знакомых, о чём теперь горько сожалеет. Да, если он что-то вспомнит, то обязательно позвонит. Как говорится, ноу криминалити.

Никифоров пробил по сводкам квартиру, но кроме одного вывоза за орущую ночью музыку, она нигде не проходила.

– Надо последить за ней, за тем, что происходит. Но этот Гена сейчас наверняка ведёт себя тише воды, ниже травы, особенно, если в чем-то накосячил. – Сказал Никифоров Наде.

Надежда молчала, уже пять минут размешивая сахар в чашке с кофе. То ли была разочарована, что Никифоров в ходе перестрелки не изловил злодеев, покушавшихся на Виталину, то ли просто уже устала от этой всей истории. У неё самой была дочь, заботы по тому, чтобы дочь училась, а не гуляла по клубам и сомнительным квартирам, мучали её куда больше, чем судьба несчастной Виты.

– Надя, ты не против, если я тебя провожу. – Никифоров смущенно улыбнулся, удивившись тому, что вдруг перешёл на ты.

– Не против, Юрий, проводи, конечно. – Краешком губ улыбнулась Надежда. – Надеюсь, у этой девочки всё со временем наладится. А время действительно позднее, мне у Дашки ещё уроки проверить надо.

Пара не юных, но вполне молодых людей шла по набережной, и мужчина весело рассказывал женщине, как в детстве украл арбуз у торговцев и бежал с ним от усатого продавца именно по этой, тогда еще не мощёной дороге.

Виталину никак не зацепили оры навесившей её матери. Её душа не отреагировала и на то, что не пришёл в больницу отец, не было среди посетителей ни одной бабки, до сих пор вполне бодро себя чувствовавших. Ей было всё равно. Она вставала только в туалет, почти ничего не ела и крутила в голове свою жизнь. Вперёд и назад. Вдоль и поперёк. То ли впервые решила что-то проанализировать, то ли просто от скуки.

В палате у нее лежали ещё три тётушки, которые без умолку обсуждали свои болячки, своих мужей, детей и ушедшую молодость. Они пытались и Виту вовлечь в свои беседы, но та либо односложно отвечала, либо отмалчивалась. И теткам надоело обращаться к человеку, не более многословному, чем палатные тумбочки.

Можно было коротать время в больнице за чтением, но читать Виталина не любила. В детстве её заставляли, она пыталась показно изучать труды Пришвина, Пушкина, Лескова и Толстого, но лишь для того, чтобы от нее отстали. Содержание книг не проникало ни в мозг, ни в сердце.

Бунтовать Виталина начала в тринадцать. Ну как бунтовать... Она не скандалила, когда ей что-то велели или запрещали. Но делала всегда по-своему. Тогда она попробовала курить, порой домой приходила в двенадцать ночи, влилась в разбитную компанию подростков, которые были на два-три года старше.

Однажды даже стояла на стрёме, когда её приятели вскрыли овощной ларёк в надежде, что там на ночь оставили что-то ценное. Но поживиться воришки смогли только соком и курагой. Других богатств в ларьке не было, или пацаны, влезшие в магазин, их в темноте не заметили.

Мать орала, лупила её, бабка не отставала. Но Виталине было всё равно. Забиравший её на выходные раз в месяц отец вел её в очередную свою семью, где в субботу и в воскресенье ей промывали мозг тем, что надо учиться и выбиваться в люди.

А зачем? Кто сейчас учится? Для чего работать? Мать вон на своей старенькой Мазде какие-то документы развозит по клиентам. Нужно для этого университеты заканчивать? Отец электрику в магазине продает да шабашит, в домах проводки перекладывает. Здесь ему Толстой и логарифмы как пригодились?

Да это и не примеры. Так душно жить, как они, в постоянном недовольстве всеми и каждым Виталина не хотела. Она как-то попала в компанию девчонок лет на пять старше её, которых возили на дорогих тачках, которые тусили по клубам и ездили отдыхать на Гоа. Та и говорили – отдыхать. От чего они могли устать, Виталина не понимала. Ей казалось, что их жизнь – сплошной праздник. Какая тут усталость?

А блогеры? Сидят и снимают прикольные видосики в полуголом виде или в какой-то смешной одежде. Люди смотрят, подписываются, ржут. Рекламодатели стоят в очереди, чтобы в их блогах свои таблетки от импотенции показать. Вот и вся работа. Тут тангенсы с котангенсами зачем?

Инстасамка! Вот это был главный кумир повзрослевшей Виты. Страшненькая, по сути, деваха, которая накачала губы, сиськи и задницу. Ничего не стесняется и наговаривает под музыку какие-то стишки. Да Вита и сама такие стишки писала. Только не очень их афишировала. Мать как-то увидела тетрадку, назвала творчество галиматьёй, и Вита больше никому их не показывала. Придет время, и она их тоже будет читать под музыку. Найдётся, спонсор, вложится в раскрутку, и тогда она будет звездой.

Тем более, она росла красавицей. Не чета Инстасамке. Даже мать в четырнадцать Виталиных лет это отметила и сказала, чтобы та дешево себя никому не отдавала. Не для бичей каких-то она цветок растила. Пусть найдётся кто-то, кто дорого заплатит. И обеспечит хорошую жизнь не только Виталине, но и настоящую европейскую старость матери с бабкой.

В те четырнадцать лет Виталина влюбилась. Петька учился на класс старше, он был обычным парнем, не заводилой, не ботаником. Умеренно занимался волейболом, в спортзале школы она впервые его и разглядела. Петька показался ей ужасно красивым. И Виталина, не стесняясь, подошла к нему и попросила научить волейбольной подаче.

Они позанимались полчаса, Петька попросился в провожатые, но Виталина отказалась, соврав, что её будет встречать отец. Но в следующий раз Виталина обещала обещала пойти домой в обществе Петра.

Ребята стали встречаться. Ничего особенного, возвращение домой после школы. Нечастые походы в кино. Поцелуи за углом. Всё то подростковое, что проходит почти каждый школьник. Петка был парень умный и целеустремлённый. Он точно знал, что хочет заниматься туризмом. Он ходил с отцом в походы, ездил по разным городам. Папа Пети скоростно скончался, когда сыну было тринадцать. Им с матерью было тяжело, но Петька четко знал, что собирается поступить в Университет сервиса, туризма и гостиничного дела. А со временем открыть свой отель.

А еще он твёрдо знал, что женится на Виталине. О чем через три месяца после того, как они стали встречаться, Петр и сообщил Виталине. Сказал, что любит её и другой жены не

представляет. Вита немного ошалела, но сердце её сладко забухало, и она, потупив глаза в пол, тоже прошептала что-то про любовь к Петьке.

После они целовались, разошлись после двух ночи. А в окно их увидела мать Виталины. Она злилась, что Виталины долго нет, и высматривала её в окно. Ну не тварь же она бессердечная. Она хорошая мать, просто ребёнок родился таким... Беспутным и глупым.

Виталина была в шоке, когда пришла домой в третьем часу ночи, а мать не устроила скандал, просто отправила ее спать. Это было непривычно. Выяснилась причина через неделю. Это было затишье перед бурей. Мать решила провести следствие, выяснив, что за кавалер у ее дочери. И когда собрала информацию, устроила истерику.

Вита тогда пришла из школы, мать сидела на кухне и пригласила Виту поговорить. Начала разговор мать жестко, но спокойно. Просто попросив все романы прекратить, потому что сейчас надо учиться и беречь себя для действительно достойного человека. Когда Вита сказала, что у нее любовь, мать перестала держать марку и принялась орать и кидать в дочь полотенца, хлеб и салфетки. Она орала, что Вита ничего не понимает, что она сгниет с этим нищепродом, что такие, как этот Петька, ничего из себя не представляют, а сажают своих баб детей рожать и гнилое жильё их драить от грибка и плесени.

Наверное, единственный раз тогда Виталина включилась в прямую конфронтацию с матерью, кричала, что любит и пойдёт за Петькой на край света. Тогда мать схватила ее за волосы и поволокла, причитая, что идут они к гинекологу. Если врач скажет, что Вита уже начала жизнь шалавы подзаборной, то мать отдаст ее в школу при монастыре откуда выхода до окончания заведения нет. Разъяренные матери и не такое выдумают, будучи в гневе.

Вита вырвалась, заперлась в ванной и тогда в первый раз решила покончить собой, вскрыв вены. Но подходящий для вскрытия инструмент не нашла, потому она просто прорыдала до полуночи. На утро мать снова спокойно сказала дочери, чтобы та вела себя благоразумно и не якшалась с нищепродами.

На этом роман с Петькой стал затухать. Девочка задумалась, а может мать права? Где Петька, а где та жизнь, к которой она стремилась? Она состарится, пока тот откроет гостиницу и разбогатеет. Она начала отдаляться от Петьки, а тот еще несколько лет пытался вновь добиться её расположения, пока она не съехала от родительницы.

Год назад Вита увидела его в парке с какой-то мымрой в обнимку. Они ели мороженое и мазали им друг друга. В сердце Виты что-то ёкнуло, но подходить она, разумеется, не стала. Она сама была не одна. С приятельницей и двумя кентами они вышли из кафе в изрядном подпитии и собирались ввалиться к одному чуваку на вписку.

Учиться Вита так и не начала. Из школьной программы она не знала примерно ничего, учителя переводили ее в следующий класс по неизвестной причине. Наверное, потому что Вита казалась всем лёгкой обаятельной и весёлой. На отсутствие знаний просто закрывали глаза.

В пятнадцать Виталина начала пробовать алкоголь. Сперва пиво с подругами, потом стала ходить на какие-то вписки, и там пили вино, водку и коньяк. Иной раз угощались какими-то таблетками, которые давали особый кайф.

На одной такой хате после употребления всего разом она проснулась утром почти без одежды. По ощущениям и кровавым подтекам она поняла, что больше не невинна. Кто это был, да и один ли, она напрочь не помнила. Похоже, что была в отключке. Виталина сделала вид, что ничего не заметила, ушла из этой квартиры, не понятно кому принадлежавшей.

После этого случая Вита сходила к гинекологу, сдала анализы. Обошлось без последствий. Вита выдохнула и начала активную взрослую жизнь. Сексуальная её сторона ей особо не

нравилась. Она не получала удовольствия, а иной раз было откровенно противно. Но те парни и мужики, с которыми у неё было, нередко дарили незатейливые подарки или подкидывали денежку. Пятёрочку-другую. Перекантоваться, погулять хватало.

В шестнадцать девочка залетела. Откровенно говоря, ни она, ни ее мужской контингент практически никогда не использовали средства контрацепции. Из-за довольно активной и беспорядочной жизни цикл у Виты был нерегулярным, потому заподозрила беременность она только на пятом месяце.

Понятное дело, что о личности папаши Вита даже понятия не имела. К тому времени количество разовых и периодических партнеров у Виты перевалило за пятьдесят. Или за семьдесят. Она не считала, их было слишком много, а иных она просто не помнила.

Пришлось рассказать матери. Та орала так, что осипла через пять минут. Написала отцу, который приехал через полчаса и продолжил дело потерявшей голос матери. После того, как он поорал на Виту, переключился на мать, обвиняя её, что это она во всем виновата. Мужиков таскала и послужила паскудным примером для дочери. Мать в долгу не осталась, и родители немного подрались.

Разумеется, мать потащила Виту на аборт. Девочка была растеряна и не сопротивлялась. Конечно же аборт, что она будет делать с этим ребёнком? Он ломал все её неформальные планы жить в удовольствие. После операции врачаха шепталась с матерью, и Виту перевели в палату, где она пролежала три дня. Что-то пошло не по плану, Вита не очень вникала, что именно.

В больнице врачаха равнодушно ей сообщила что забеременеть она больше не сможет. Виталина даже скорее обрадовалась. Какие-то дети в её жизнь не вписывались. И продолжила тусить, только бухать стала ещё больше.

Школу в итоге Вита закончила. ЕГЭ она написала так себе, но на базовый аттестат каким-то чудом наработала. Школа отрапортовала, что благополучно провела эту экзаменационную процедуру, на пересдачу никто не отправлен. И славно.

Поступать Вита никуда не собиралась. Но работать мать погнала. Виталина посидела пару месяцев на выдаче в ОЗОНЕ, потом мать пристроила её куда-то курьером, и Вита развозила документы, не тяжёлые посылки и еще какую-то фигню. Эта работа ей нравилась, она иной раз брала коктейли типа "отвёртки" или джин-тоник "на ход ноги".

В какой-то тёплый день она решила сделать тайм-аут на лужайке в парке, зарядила несколько баночек коктейля и уснула. Проснувшись уже затемно, и ценного груза при ней не было. Как и её кроссовок. Стырили. Конечно, ее со скандалом уволили, и это было последнее официальное место работы Виты. Больше устраиваться "пахать на дядю" она не собралась.

В восемнадцать ей повезло. Она встретила тридцатилетнего индивидуального предпринимателя, который несколько раз водил ее в гостиницу. Голову юная, лёгкая в общении красотка вскружила женатому ипшнику основательно. Он решил, что будет её нехитро обеспечивать, давать какие-то деньги и пользоваться ей на досуге. Снял квартиру и навещал три-четыре раза в неделю.

Почти год она была на содержании у предпринимателя мелкой руки. Вита съехала от матери, и они просто перестали общаться. Мать устроила скандал при переезде, обзывала дочь неблагодарной сукой, но Виталине было всё равно. Еще дважды мать ей звонила, и каждый разговор заканчивался скандалом. После этого Вита просто перестала отвечать на её звонки, а затем и попытки дозвониться со стороны матери прекратились.

Отец с ней не общался со времен аборта, так что никаких обязательств по отношению к родителям девочка не имела. Во всяком случае она считала себя от них свободной. Правда,

имела перед своим предпринимателем. Первое время она даже на гулянки не ходила, считая себя "почти женой".

Через три месяца все-таки начала посещать тусовки, пить и даже возобновила случайные связи. Благо, её воздыхатель был пунктуален, приезжал обычно в одни и те же дни, в которые по легенде для супруги у него были "важные совещания" и "встречи с партнёрами". В остальное время, Вита делала, что хотела. Всё было шито-крыто.

Виталина со временем поняла, что тусовки можно устраивать и в её квартире. Нечасто, но регулярно. Случайные и постоянные знакомые, алкоголь, химия и секс. Все как положено.

Беда нагрянула неожиданно. Жена её постоянного любовника почувствовала себя неважно. Заметила какие-то выделения и сходила к врачу. Мазок дал позорные результаты – хламидиоз, уретрит, трихомониаз. Женщина устроила скандал благоверному, он отбрехался, что как-то по пьяному делу после выездного семинара проснулся с какой-то девицей, даже не помнит, что у него с ней было. Бился в падучей, умоляя его простить.

В общем, вымолил прощение, а на следующее утро в бешенстве рванул на съёмную квартиру. Там застал группу похмельных молодых особей, а свою зазнобу – в постели с каким-то хмырем. Бизнесмен орал и пытался выкинуть компанию из квартиры, но его самого неплохо отмететили и вышвырнули в подъезд. Вита в окно увидела, что он уезжает, собрала нехитрые пожитки в рюкзак и свалила вместе со всей оравой. Больше своего благодетеля она не встречала.

Она тёрлась на вписках каждый вечер. Иногда пила, иногда организм не принимал алкоголь, и Вита отлёживалась на каком-нибудь топчане. В клубах легко знакомилась с парнями попроще, ездила к ним, и иной раз удавалось что-то получить в подарок или даже какие-то деньги. Всё вернулось на круги своя.

Иной раз в компании забуривались в караоке, и она вспомнила, что когда-то в раннем детстве любила петь. И попробовала что-то исполнить в этом музыкальном кафе. Песни в её исполнении звучали чисто и нежно, и хозяин караоке пригласил её петь в его ресторан средней паршивости. Нечасто. За еду и небольшой гонорар. Вита была рада и этому, и пару раз в неделю являлась музыкальным сопровождением ресторанных вечеров.

До недавнего времени это и приносило ей некоторый доход, и она вскладчину с одной малознакомой девицей сняла квартиру. Правда, всё чаще после выступления Вита надиралась в заведении, и её буквально выносили охранники. Да и пела она всё хуже. Голос после вчерашних возлияний сипел и срывался. Незадолго до злополучной ночи хозяин ресторана сказал, чтобы ноги ее в ресторане не было. Как раз тогда организм не принял ночную порцию этила, и Вита заблевала весь зал.

Походы в клуб в надежде халявной выпивки, весёлого вечера и возможных подарков стали единственным образом жизни. В тот вечер всё было как обычно, но завершилось очень плохо. Вита совсем не удивлялась тому, что в итоге случилось. Она была девочкой сообразительной, и скорее недоумевала, что что-то такое не случилось раньше.

Она соврала Никифорову. Вита помнила, что было на той квартире. Пусть всё было в тумане, и воспоминания скорее урывками, но картина из них скатывалась ясная.

Парней было трое. Виталина еще в клубе смеялась, что все они называли друг друга кликухами, которые начинаются на "Г". Герц, Гендос и Гиви. Судя по всему, старшим среди них был Герц, тощий и низкорослый парень лет двадцати пяти. Что-то было в нём такое... Что подсказывало – лучше слушаться.

На хату они поехали в незнакомый ей район, довольно ухоженный, благополучный. Разумеется, они там пили, парни предложили таблетки. Вита была только рада, ведь после них она

обычно уходила в нирвану и обязательный секс практически не чувствовала и не помнила. Секс для нее по-прежнему был как неприятная работа. Конечно, об этом она никому не говорила, и актрису в этом процессе включала как минимум уровня Кэмерон Диас.

Поначалу так и вышло. Она забалдела и не реагировала, когда с нее срывали одежду. Но когда начали бить ногами, в голове прояснилось. С ее подружкой делали то же самое. Приказы отдавал Герц.

Парни, превратились в животных, начали трахать девчонок и душить в процессе. Менялись местами, снова били, жгли бычки о грудь. Вита иногда пыталась орать, что животных только заводило. Они били ее головой об пол, она теряла сознание, которое возвращалось от новой боли. В нее запихивали, даже вбивали бутылки. Вита снова орала, ее снова били по голове. Подруга иногда стонала, но она явно была в отключке. И не очень ощущала все те же экзекуции над ней.

Долбила какая-то роковая музыка, и Вита иногда думала, что умерла и находится в настоящем аду. Во всяком случае черти, которые жарили её, в представлении Виталины были настоящие.

После очередного забвения Вита осталась лежать на полу. Недалеко валялась подруга. Звери куда-то делись. Вита увидела на кресле одежду, надела трусы и услышала отдаленные голоса. Это где-то в квартире разговаривали её мучители. Она бросила одежду, бесшумно пошла к входной двери.

Ей повезло. Вита каким-то чудом вышла прямо на нее, аккуратно её открыла и шагнула в тамбур. Дальше она вышла к лифтам, на автомате нажала на кнопку вызова и через пару минут была на улице.

На улице было холодно, но Виталине было все равно. Она шла, не разбирая дороги, а дальше... Что было потом, как она оказалась в больнице, Вита действительно не помнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.